

МАТЕРИЯ СНА

ВИЗАНТИЙСКИЕ КОММЕНТАТОРЫ XII – XV ВВ. О МАТЕРИАЛЬНОЙ ПРИЧИНЕ СНА В ТРАКТАТЕ АРИСТОТЕЛЯ *О СНЕ И БОДРСТВОВАНИИ*

МЕСЯЦ С. В.
Институт философии РАН (Москва)
messiats@mail.ru

SVETLANA MESYATS

Institute of Philosophy RAS (Russia)

MATTER OF SLEEP. BYZANTINE COMMENTATORS OF THE 12TH – 15TH CENTURIES ON THE MATERIAL CAUSE OF SLEEP IN ARISTOTLE'S TREATISE *ON SLEEP AND WAKING (DE SOMNO ET VIGILIA)*

ABSTRACT. The paper gives a general description of the surviving Byzantine commentaries on Aristotle's small psychological treatises traditionally known as *Parva naturalia* and describes the most notable manuscripts and editions of commentaries compiled by Michael of Ephesus, George Pachymeres, Theodore Metochites, Sophonias and Gennady Scholarios. The paper clarifies the relationships of these texts to each other, discusses possible reasons of the renewal of interest in biological and physiological aspects of Aristotle's philosophy among Byzantine scholars of the 12th – 15th centuries, and explains why the late antique commentary tradition paid little attention to particular issues of Aristotle's philosophy of nature. We establish distinctive features of Byzantine exegesis by examining how Byzantine commentators dealt with some controversial questions of Aristotle's treatise *On sleep and waking*, in particular how they explain the fact that after promising to consider the formal, final, effective and material causes of sleep, Aristotle explores only three of them and leaves the material one without attention. We demonstrate that Byzantine commentators were convinced of the existence of the material cause of sleep and identified the latter with the hot evaporation that necessarily arises from food in digestion. However, the analysis of this interpretation shows that it was based on a misunderstanding of the basic concepts of Aristotelian philosophy, since Byzantine commentators aimed more at preserving Aristotle's texts than at better understanding the general order of his philosophy.

KEYWORDS: Byzantine commentators, Michael of Ephesus, late antique commentary tradition, Aristotle, Aristotelian philosophy of nature, *Parva Naturalia*, theory of four causes, hypothetical necessity, definition of matter, material cause of sleep.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00094-А «Проблема соотношения разума, души и тела в позднеантичных комментариях на Аристотеля». Funding: the reported study was funded by RFBR, project number: 20-011-00094-A "The problem of the relationship between mind, soul and body in the late antique commentaries on Aristotle".

Около 1155 г. Георгий Торник, будущий митрополит Эфесский, пишет речь на смерть царевны Анны, дочери византийского императора Алексея I

Комнина. Рассказывая о жизни этой выдающейся женщины, он среди прочего упоминает о ее увлечении светскими науками. По словам Георгия, Анна организовала вокруг себя нечто вроде философского кружка, где под руководством знаменитых интеллектуалов своего времени изучала произведения Платона и Аристотеля, Эвклида и Птолемея, а также прочую эллинскую премудрость, не входившую в противоречие с христианским учением. В ходе знакомства с философией Аристотеля царица обнаружила, что некоторые из произведений философа никогда никем не комментировались, и, недовольная таким положением дел, распорядилась составить комментарии к тем сочинениям Стагирита, которые были обойдены вниманием античной экзегетической традиции.

«Доказательством ее [Анны Комниной] любви к наукам могут служить посвященные ей труды современных философов, касающиеся тех произведений Аристотеля, толкования на которые не были записаны вплоть до времени ее жизни, а услышанные на лекциях пояснения передавались как попало, безо всякой основательности и усердия...».¹

В результате уже к 30-м годам XII в. в Византии появились первые письменные комментарии к трактатам Аристотеля о животных, а также к его малым психологическим сочинениям, известным сегодня под названием *Parva naturalia*. Автором этих первых комментариев стал ученый-эрудит Михаил Эфесский (1050–1129), преподававший философию в императорском университете Константинополя. По распоряжению царицы Анны² он составил толкования к трактатам:

О возникновении животных (De generatione animalium),
О частях животных (De generatione animalium),
О движении животных (De motu animalium)
О перемещении животных (De incessu animalium),

Из сборника *Parva naturalia* Михаил прокомментировал в общей сложности семь произведений:

О памяти и припоминании (De memoria et reminiscencia),
О сне и бодрствовании (De somno et vigilia),
О сновидениях (De insomniis),
О предсказаниях во сне (De divinatione per somno),
О долготе и краткости жизни (De longitudine et brevitate vitae),
О юности и старости, жизни и смерти (De juventute et senectute) и

¹ George Tornikes, 4, 22-25.

² Michael Eph., *In Parva nat.* 149, 8 – 14.

О дыхании (De respiratione).

Первые три трактата сборника комментатор объединил в книгу под названием *О памяти и сне*, а три последние – в сочинение *О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании*, обойдя своим вниманием только трактат *Об ощущении и ощущаемом (De sensu et sensibilibus)*, поскольку комментарий к этому произведению уже был составлен во II в. н.э. Александром Афродисийским.³ По сообщению Георгия Торника, знавшего Михаила Эфесского в старости, работа над толкованием Аристотеля далась ученому нелегко. Он проводил в трудах ночи напролет, довольствуясь только слабым светом свечей, из-за чего в конце концов лишился зрения.

«Я слышал, как один мудрец из Эфеса возлагал на нее [Анну Комнину] вину за свою слепоту, постигшую его оттого, что он ночи напролет без сна и отдыха работал по ее приказу над толкованиями Аристотеля».⁴

В одном из комментариев Михаил Эфесский сообщает, что он был не единственным, кого Анна Комнина привлекла к толкованию аристотелевских произведений. Вместе с ним над поручением царевны трудились и другие ученые – одни в качестве помощников, другие – в качестве оппонентов и составителей собственных комментариев.⁵ Так, некий муж, которого Михаил величает не иначе как «божественнейшим» (θειότατος), и чьи познания в аристотелевской философии ставит гораздо выше собственных, работал над комментарием к трактату *О дыхании*. О ком именно идет речь, сказать трудно, но не исключено, что Михаил имеет в виду Евстратия Никейского (1050–1121), своего современника, ученика Ионна Итала, который также входил в философский кружок Анны Комниной, и от которого до нас дошли комментарии ко *Второй аналитике* и *Никомаховой этике* Аристотеля.

I

Несмотря на то, что малые психологические произведения Аристотеля, составляющие сегодня сборник *Parva naturalia*, не имели письменных толкований вплоть до XII в., нельзя сказать, чтобы античные комментаторы ничего о них не знали. И Александр Афродисийский, и Фемистий, и Симпликий неоднократно упоминают, обсуждают, а порой и прямо ссылаются на эти сочинения. Так, в комментарии Симпликия к *О душе* дважды упоминается

³ Bydén 2018, 16; Trizio 2018, 164.

⁴ George Tornikes, 4, 26-27:

⁵ Michael Eph., *In Parva nat.* 85, 3-11: ὅστις μοι συμπονεῖ περὶ τοὺς λόγους; 130, 33 – 131, 6: ἀξιῶ τὸν θεϊοτάτῳ μου ἑταῖρον διὰ τῆς νῦν λέξεως μὴ ὑπονοεῖν...

трактат *О дыхании*: в одном месте автор говорит, что в этом произведении обсуждается вопрос о значении вдыхаемого воздуха для поддержания внутреннего тепла животных, а в другом – что отвечающая за дыхание способность души рассматривается там отдельно от растительной и питающей.⁶ В комментарии к *Физике* Симпликий обнаруживает знакомство с содержанием трактата *О сне и бодрствовании*, когда в качестве примера действующей причины приводит поглощаемую животными пищу, указывая на то, что в результате ее переваривания наступает сон.⁷ Ссылки на трактаты *Parva naturalia* встречаются и у александрийских неоплатоников – Аммония, Иоанна Филопона и Элия.⁸ Однако никто из античных комментаторов не поясняет эти трактаты целиком, строчка за строчкой, т.е. не составляет к ним таких же полноценных комментариев, какие в изобилии писались к большим естественно-научным произведениям Аристотеля, таким как *Физика*, *Метеорологика*, трактаты *О небе*, *О возникновении и уничтожении* и *О душе*. Единственным исключением из этого правила был уже упоминавшийся выше комментарий Александра Афродисийского к *Об ощущении и ощущаемом*, а также краткий пересказ Присцианом Лидийским трактатов о сне и сновидениях в *Ответах царю Хосрою*.⁹

Чем же можно объяснить такое пренебрежение античных комментаторов малыми естественно-научными произведениями Аристотеля, при том, что более общие труды Стагирита по философии природы, такие как *Физика*, *Метеорологика*, *О небе* и *О душе*, внимательно изучались и комментировались? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что в поздней античности (III – VII вв.) комментарии создавались преимущественно внутри философских школ и касались только тех произведений, которые были включены в школьную программу. Если какое-то сочинение, пусть даже принадлежащее очень авторитетному философу, не обсуждалось на лекциях, то оно и не комментировалось. Почему же *Parva naturalia* не изучались античных философских школах?¹⁰ Исследователи объясняют это по-

⁶ Simpl., *In De anima* 149, 1-3; 291, 21-24.

⁷ Simpl., *In Phys.* 1258, 20-23

⁸ Philop., *In De anima* 381, 5; *In Meteor.* 9, 12-18; Ammon. *In Cat.* 3, 20 – 4, 5; Elias. *In Cat.* 115, 21-116, 2.

⁹ Priscianus, *Solutiones deorum de quibus dubitavit Chosroes Persarum*. Это сочинение сохранилось только в латинском переводе, греческий оригинал был утрачен. Подробнее см.: Абдулаев 2013, 237-269.

¹⁰ Bydén 2018, 12. Комментарии к *О душе* были написаны Александром Афродисийским, Фемистием, Симпликием, Иоанном Филопоном. Трактат был включен и в программу афинской неоплатонической школы, о чем свидетельствуют рассказ

разному. Так, Бёрье Байден¹¹ указывает на то, что философские школы поздней античности были преимущественно неоплатоническими, а неоплатоники интересовались учением Аристотеля ровно в той мере, в какой оно позволяло подготовить ученика к посвящению в «истинные таинства Платонова учения».¹² Так, трактат *О душе* с его постепенным продвижением от низших способностей души к высшим, от питания и ощущения – к воображению и мышлению, помогал ученику перейти от познания физического мира к сверхчувственному, от телесного сущего к умопостигаемому. Это сочинение завершало собой курс философии природы и, плавно подводя читателя к аристотелевскому учению о божественном уме, позволяло ему непосредственно приступить к изучению теологии – первой и высшей из теоретических наук. После такого восхождения на вершину философского знания возвращение к изучению отдельных видов живых существ и присущих им жизненных функций казалось неоплатоникам ненужным. Для них было бы естественнее, если бы *Parva naturalia* предшествовали трактату *О душе*. Но поскольку у самого Аристотеля изучение отдельных видов жизнедеятельности животных следовало за общим учением о душе, а не перед ним, то *Parva naturalia* никак не удавалось вписать в неоплатоническую программу обучения, в результате чего они были из нее попросту выброшены.

По мнению итальянского исследователя Микеле Трицио,¹³ *Parva naturalia* исключались из школьной программы потому, что исследуемые в них вопросы считались недостаточно общими. В самом деле, из позднеантичных *Прологоменов* к аристотелевской философии мы знаем, что в неоплатонических школах сочинения Стагирита было принято делить на три вида: общие, частные и промежуточные.¹⁴ Согласно Аммонию Александрийскому, к общим относились произведения, в которых рассматривается природа вещей – это были трактаты *О душе*, *О возникновении и уничтожении*, *О небе* и т.д. Частными считались сочинения, адресованные частным лицам, а промежуточными – те, которые не имели конкретного адресата, но при этом

Марина о том, как молодой Прокл, только что поступивший в ученики к Плутарху Афинскому, изучал под его руководством «сочинение Аристотеля о душе» (*VP* 12).

¹¹ Bydén 2018, 14-16.

¹² Marinus, *VP* 13.

¹³ Trizio 2018, 156-157.

¹⁴ Ammonius, *In Cat.* 3, 22-23: τὰ μὲν ἐστὶ [τῶν Ἀριστοτελικῶν συγγραμμάτων] μερικὰ τὰ δὲ καθόλου τὰ δὲ ἐν τῷ μεταξύ τῶν καθόλου καὶ τῶν μερικῶν («одни из аристотелевских произведений являются частными, другие – общими, а третьи – промежуточными между общими и частными»).

исследовали не общую природу вещей, а более частные вопросы, например, отдельные виды государственных устройств или отдельные виды животных. Согласно этой классификации, зоологические произведения Аристотеля вместе с *Parva naturalia* попадали в разряд промежуточных и как таковые считались не заслуживающими внимательного изучения.¹⁵

Наконец, по мнению Филиппа ван дер Эйка и Джеймса Леннокса,¹⁶ из-за усиливающегося в поздней античности разрыва между философией и специальными науками, в частности, между учением о телесном космосе и такими науками как физиология, ботаника, зоология и медицина, трактаты *Parva naturalia* могли рассматриваться не как философские, но как научные сочинения, изучение которых считалось не слишком важным для философского образования.

II

Комментарий Михаила Эфесского к *Parva naturalia* довольно быстро приобрел популярность среди византийских интеллектуалов, о чем свидетельствует тот факт, что уже в конце XII в. на полях аристотелевских рукописей появляются схолии, чьи анонимные авторы обнаруживают знакомство с толкованиями Михаила, а иногда и прямо его цитируют.¹⁷ Ко второй половине XII в. относится и самая ранняя из рукописей комментария – MS Vat. gr. 2199, а первое издание вышло только в 1903 г. в 22 томе серии *Commentaria in Aristotelem Graeca* под названием *Схолии Михаила Эфесского к трактатам Аристотеля «О памяти и припоминании», «О сне и бодрствовании» и «О предсказаниях во сне»*. Несмотря на это название, дошедший до нас текст содержит толкования ко всем трактатам *Parva naturalia* за исключением *Об осязании и осязаемом*.

Малые естественно-научные произведения Аристотеля продолжали комментироваться и в следующем столетии. В конце XIII – начале XIV вв., в период правления Андроника II и Михаила IX Палеологов, их толковали и пересказывали Георгий Пахимер, Феодор Метохит и Софоний. Все трое были не только выдающимися интеллектуалами своего времени, но и заметными политическими деятелями. Так, Георгий Пахимер (1242–1310) – визан-

¹⁵ Ammonius, *In Cat.* 4, 3-4: τὰ μὲν οὖν μερικὰ καὶ μεταξὺ χαίρετω («частные и промежуточные сочинения мы оставим в стороне, что же касается общих...»).

¹⁶ Van der Eijk 2010, 52.

¹⁷ Trizio 2018, 159. Речь идет о созданном в IX в. MS Oxford CCC 108, содержащем схолии XII в., упоминающие имя Михаила, а также о MS Vat. Gr. 260, относящемся к XII в.

тийский историк, философ, и математик – занимал высокие должности при императорском дворе и в церковной администрации. Перебравшись в 1261 г. из родной Никеи в освобожденный Константинополь, он стал учеником Георгия Акрополита и получил всестороннее светское образование. Среди множества его сочинений наибольшей известностью пользовались *Исторические записки* в 13 книгах, охватывавшие период правления двух первых императоров из династии Палеологов – Михаила VIII и Андроника II. Помимо этого он был автором сочинений по риторике, философии, богословию и математике, написал несколько автобиографических поэм, но главное – составил обширный компендий аристотелевской философии в 12 книгах, куда вошли парафразы сочинений Стагирита, поделенные на тематические разделы: физика, логика, этика и т.д. Восьмую книгу компендия занимала парафраза *Parva naturalia*, включавшая в себя помимо традиционных восьми трактатов еще и трактат *О движении животных* (*De motu animalium*). В настоящее время компендий Георгия Пахимера издается в серии *Commentaria in Aristotelem Graeca et Byzantina* – совместном научно-исследовательском проекте Берлинской и Афинской Академии наук. К сожалению, VIII книга компендиума так до сих пор и не издана, поэтому парафраза Пахимера доступна сейчас только в виде рукописи XIV в. MS Hamiltonianus 512, хранящейся в библиотеке Берлинской Академии Наук.

Другой комментатор Аристотеля, Феодор Метохит (1270–1332), происходил из влиятельной византийской семьи и был близким другом, придворным советником, а затем и первым министром императора Андроника II Палеолога. После свержения последнего в 1328 г. он подвергся опале, был лишен имущества, изгнан, а потом заточен в константинопольском монастыре Хора. Среди написанных им книг – сочинения по математике и астрономии, историко-философский труд *Гномические заметки и памятки*, изложение аристотелевской науки о природе под названием *О физике Аристотеля в целом* и, наконец, комментарии ко всем сохранившимся естественно-научным сочинениям Аристотеля, включая и сборник *Parva naturalia*.¹⁸ К сожалению, большинство сочинений Метохита до сих пор не изданы.¹⁹ Из интересующего нас комментария к *Parva naturalia* на сегодняшний день опубликована только парафраза трактата *О сне и бодрство-*

¹⁸ Фрейберг, Попова 1978, 222-231; Kazdan A., *The Oxford Dictionary of Byzantium* 1357-1358.

¹⁹ В серии *Commentaria in Aristotelem Graeca et Byzantina* в нынешнем году должна выйти подготовленная Бёрье Байденом парафраза аристотелевского трактата *О душе*.

ваниш, критическое издание которой подготовил в 1943 г. Х. Дроссаарт Лулофс.²⁰

О жизни и деятельности Софония (fl. 1296) почти ничего не известно. Мы знаем лишь, что он был монахом и составлял комментарии на сочинения Аристотеля, для чего даже выработал собственный экзегетический метод, представлявший собой нечто среднее между классическим построчным толкованием и близким к тексту пересказом.²¹ Считается, что Софоний мог принимать участие в дипломатической миссии 1295 года с целью организации брака сына Андроника II Михаила с одной из западных принцесс.²² Принадлежащая ему парафраза трактатов *Parva naturalia* в ряде рукописей XV в. ошибочно приписывалась Фемистию, из-за чего авторство Софония долгое время подвергалось сомнению. Конец этим сомнениям был положен в 1903 г. Паулем Вендландом, который в предисловии к 5 тому *Commentaria in Aristotelem Graeca* проследил рукописную традицию текста, обнаружил в нем многочисленные параллели с комментарием Михаила Эфесского и таким образом убедительно показал, что он никак не мог быть написан ранее XII в.

Еще один комментарий к *Parva naturalia* был написан в XV в. Геннадием II Схоларием (1400–1473), константинопольским патриархом, избранным на эту должность сразу после падения Византийской империи. Геннадий Схоларий, в миру Георгий Куртесий, происходил из зажиточной семьи и получил прекрасное образование. При императоре Иоанне VIII Палеологе он занимал высокие государственные должности и принимал участие в переговорах об унии на Ферраро-Флорентийском соборе. Среди его сочинений – многочисленные проповеди, беседы, послания, полемические трактаты, богословские и философские труды, а также комментарии. Из всех античных философов Геннадий Схоларий особенно выделял Аристотеля, полагая, что его учение гораздо ближе к христианству нежели учение Платона или кого-либо еще из прежних мыслителей.²³ Комментарий святителя к *Parva naturalia* был издан в 1936 г. в Париже в VII томе полного собрания сочинений.²⁴

²⁰ Drossaart Lulofs 1943.

²¹ Софоний сам описывает этот метод во введении к парафразе аристотелевского трактата *О душе*. См.: Soph. *In De anima* 1,4 – 3,9. Подробнее об экзегетическом методе Софония см. Praechter 1927, 1099, а также Ierodiakonou, Bydén 2018.

²² Fryde 2000, 198-199.

²³ Demetracopoulos 2018, 234.

²⁴ Petit, Sideridès, Jugie 1928–1936.

III

Почему мы обращаемся сегодня к византийским комментариям и парафразам *Parva naturalia*? Потому что тексты Аристотеля по-прежнему ставят перед нами сложные вопросы, ответы на которые мы надеемся отыскать у старинных знатоков и толкователей его произведений. Один из таких вопросов, активно обсуждаемый современными аристотелеведами, встает в связи с трактатом *О сне и бодрствовании*. В этом сочинении Аристотель исследует природу сна и пытается найти такое его определение, которое включало бы в себя указание на формальную, целевую, материальную и действующую причины этого состояния, т.е. объясняло бы, что такое сон, каковы его цель и назначение, состоянием какой части души и тела он является и какие физиологические процессы приводят к тому, что животные время от времени засыпают.

«Теперь скажем, по какой причине наступает сон, и какого рода претерпеванием он является. Всего существует несколько видов причинности: то, ради чего; то, откуда начало изменения, материя и определение – все это мы называем причиной».²⁵

Однако несмотря на явно высказанное намерение рассмотреть все четыре причины сна, Аристотель вместо четырех причин исследует в лучшем случае три – формальную, целевую и действующую, оставляя материальную без внимания. Впервые на это несоответствие обратил внимание Хендрик Дроссаарт-Лулофс. В своем издании *О сне и бодрствовании* 1947 г. ученый предположил, что дошедший до нас текст трактата составлен из двух частей, а точнее, из двух версий одного и того же произведения – более поздней, которую он назвал *De Somno A* (453b 11 – 455b 13), и которая, по его мнению, была написана после трактата *О душе*, и более ранней *De Somno B* (455b 13 – 458a 32), относящейся к тому периоду творчества Аристотеля, когда тот считал сердце вместилищем души и органом, отвечающим за основные функции животного.²⁶ После того, как гипотеза Дроссаарта-Лулофса была отвергнута научным сообществом,²⁷ Малькольм Лоу выдвинул другое

²⁵ Aristotle, *De Somno* 2, 455b 13-14.

²⁶ Drossaart Lulofs 1947, XV – XXII.

²⁷ Гипотезу Лулофса критиковали: Ross 1955, 12, Siwek 1963, xiii-xiv, Wisner 1978, 243-254, Lowe 1978, 280-283 и Code 2015, 43-45. Как указывают Виснер и Лоу, в основе упомянутой гипотезы лежит спорная теория Нуйе (Nuyens 1948) об эволюции психологических взглядов Аристотеля, согласно которой учение о сердце как главном органе чувств и средоточии всех основных функций животного противоречит

предположение. В статье 1978 г. он попытался доказать, что текст трактата содержит интерполяцию – фрагмент более ранней версии, начинающийся с перечисления четырех причин и заканчивающийся кратким описанием цели и назначения сна (*Somn.* 2, 455b 13-34). По мнению Лоу, указанный фрагмент был написан раньше основной части трактата и добавлен в текст неизвестным редактором или издателем, решившим во что бы то ни стало соединить в одном произведении все имевшиеся у него отрывки аристотелевских рукописей. В результате такого добавления, считает ученый, первоначально стройное и хорошо организованное целое получилось противоречивым и запутанным. В нем совместились два разные подхода к изучению сна – более ранний, предполагавший изучение душевных состояний в рамках учения о четырех причинах, и более поздний, когда Аристотель решил ограничиться только формальной и действующей.²⁸ По мнению Лоу, в более поздний период своего творчества Аристотель отказался от концепции четырех причин, решив, что далеко не все естественные явления обладают материей и существуют ради определенной цели. В подтверждение этой точки зрения ученый указал на *Met.* VIII 4, 1044b 8-20, где действительно утверждается, что у вещей, которые не являются сущностями, но представляют собой свойства или состояние сущности – таких как сон или лунное затмение – нет и не может быть материи.²⁹

Несмотря на то, что гипотеза Лоу до сих пор имеет своих сторонников,³⁰ были и остаются ученые, которые не соглашались с ней и по-прежнему верят в единство трактата *О сне и бодрствовании*.³¹ Большинство из них полагают, что при внимательном чтении аристотелевского текста материальная причина в нем легко обнаруживается. Так, по мнению Дэвида Росса, материальная причина сна выясняется в ходе поиска действующей, когда Аристотель, подводя предварительный итог своему исследованию, определяет сон как «некое схождение и естественное вытеснение тепла внутрь тела».³² Упомянутое в этой цитате «тепло» (θερμόν), под которым Росс понимает

представлению о душе как энтелехии «всего тела в целом», а значит относится к более раннему периоду творчества философа.

²⁸ Lowe 1978, 285-286. По мнению Лоу, заключительный параграф трактата, содержащий итоговое определение сна, в котором содержится упоминание, в том числе и целевой причины, тоже скорее всего является вставкой, добавленной к тексту неизвестным издателем.

²⁹ Gallop 1996, 133; Lowe 1978, 286-287.

³⁰ О популярности гипотезы Лоу см.: Everson 2007, 502-503.

³¹ Ross 1955, Siw 1963, Wiesner 1978, Everson 2007, Code 2015 и др.

³² Aristot. *Somn.* 3457b 1-2: σύννοδος τις τοῦ θερμοῦ εἴσω καὶ ἀντιπερίστασις φυσική.

«горячее вещество, содержащееся в пище», по мнению ученого, как раз и составляет материю сна.³³ Соглашаясь с тем, что материей сна является тепло, другой исследователь Аристотеля, Макс Веллман полагает, что речь идет не о горячей составляющей пищевого испарения,³⁴ а о естественном тепле, присущем каждому животному от рождения. Роберт Болтон считает материальной причиной сна «скованность первого органа чувств», а Стивен Эверсон – всю совокупность физиологических изменений, происходящих с живым существом, пока оно засыпает.³⁵ Таким образом, даже те ученые, которые обнаруживают у Аристотеля рассуждение о материальной причине сна, не могут прийти к единому мнению, что же она такое. В этой связи естественно было бы заглянуть в византийские комментарии к *Parva naturalia* и посмотреть, как отвечали на этот вопрос их авторы. Считали ли они, что у сна, несмотря на то что тот не является сущностью, есть материальная причина? И если да, то какая? И где именно в трактате находится посвященное ей рассуждение?

IV

В комментарии Михаила Эфесского нигде прямо не сказано, что Аристотель имеет в виду под материальной причиной сна. Михаил упоминает о «материи» лишь однажды – когда поясняет выражение «гипотетическая необходимость» (ἐξ ὑποθέσεως ἢ ἀνάγκη), в силу которой, согласно *Somn.* 2, 455b 25-28, всякому животному присущ сон. Из других сочинений Аристотеля мы знаем, что под «гипотетической», или «исходящей из предположения» необходимостью он понимает такое условие существования вещи, без которого ни она сама, ни исполнение ею своего предназначения не были бы возможны. Чаще всего таким условием действительно оказывается материя.³⁶ Например, если у нас есть пила, то для успешного выполнения своих функций, ей необходимо быть изготовленной из железа. Или если существует дом, то у него обязательно должны быть стены, состоящие из дерева, кирпича или камня, и т.д. Точно так же обстоит дело и со сном. Поясняя, почему это состояние присуще животным в силу гипотетической необходимости, Аристотель пишет:

³³ Ross 1955, 260: “hot matter contained in food”.

³⁴ Wellmann 1901, 23.

³⁵ Bolton 1997, 104-105: “seizing up of the primary sense organ”; Everson 2007, 516: “all the changes that occur in the body, when one falls asleep”.

³⁶ Arist. *GC* II 11, 337b 20-24; *Ph.* II 9, 200a 11-27.

«Сон присущ каждому животному по необходимости. Я говорю о необходимости, исходя из предположения (ἐξ ὑποθέσεως ἢ ἀνάγκη), что если есть животное, то у него по необходимости будут определенные свойства, а если они, то и другие.»

Сказанное можно понять в том смысле, что раз животное является существом ощущающим, то ему необходимо периодически отдыхать от деятельности ощущения, а поскольку отдых от деятельности ощущения есть не что иное как сон, то сон должен быть присущ животному по необходимости. Однако Михаил Эфесский предпочитает толковать эти слова иначе. По его мнению, Аристотель хочет сказать, что если животное существует, то ему по необходимости будет присуще питание, если питание – то и исходящее от перевариваемой пищи испарение, а если испарение – то и сон.³⁷ Таким образом, гипотетическую необходимость сна Михаил понимает не в том смысле, что сон есть обязательное условие существования и самосохранения животного, а в том, что само устройство животного по необходимости влечет за собой существование сна и в этом смысле является материей последнего.

У Софония материальная причина сна сформулирована уже более отчетливо. Комментатор отождествляет ее с исходящим от перевариваемой пищи испарением, которое, поднимаясь в верхнюю часть тела и становясь там холодным из-за близости головного мозга, потом под собственной тяжестью стекает вниз и в свою очередь охлаждает сердце, из-за чего оно перестает выполнять функцию ощущающего начала.³⁸ Правильность такого толкования комментатор подтверждает ссылкой на *Somn.* 3, 456b 18-20, где Аристотель характеризует испарение как то, «из чего» возникает сон:

«Как уже говорилось, сон есть не какое угодно изнеможение ощущающего начала – это состояние возникает из образующегося от пищи испарения (ἐκ τῆς ... ἀναθυμιάσεως), когда испарившаяся часть выталкивается до определенного места и, повернув назад, меняет направление своего движения на противоположное».

Но то, «из чего» возникает некая вещь, есть определение материи. Следовательно, делает вывод Софоний, именно вознесенное вверх испарение в момент его оттока от головы к сердцу представляет собой материальную причину сна.

³⁷ Mich. Ephes. *In Parva Nat.* 50, 8-9.

³⁸ Soph. (= Them. *In Parva naturalia*) 21, 27-28: «отток вознесенного вверх испарения обратно вниз» (ὕλικήν δὲ [αἰτία] ἢ παλίρροια τῆς ἀναχθείσης ἀναθυμιάσεως πρὸς τὰ κάτω).

Феодор Метохит объединяет толкования обоих предыдущих комментаторов. Подобно Михаилу Эфесскому он полагает, что Аристотель отождествляет материальную причину сна с гипотетической необходимостью, т.е. таким устройством животного, которое по необходимости приводит к периодическому изнеможению и бездействию ощущающего начала. Главной составляющей этого устройства Феодор считает пищеварительную систему животного, которая перерабатывает поступающую в организм пищу в кровь, из-за чего в кровеносных сосудах образуется горячее испарение. Подымаясь к голове и постепенно накапливаясь там, оно вызывает чувство тяжести и дрему, становясь таким образом тем, «из чего» возникает сон, т.е. его материей.³⁹

«Говоря о гипотетической необходимости, Аристотель обычно имеет в виду материю, потому что если материя будет такой-то и такой-то, то из нее по необходимости возникнет то-то и то-то. Так и со сном: если есть животное, то для своего существования оно должно иметь материю, а еще питаться, чтобы его материя не исчезала. Но следствием питания является подымающееся к голове испарение, а из испарения возникает сон».⁴⁰

Метохиту вторит и Георгий Схоларий. Он тоже считает пищевое испарение материальной причиной сна на том основании, что сон связан с питанием и выделяющимся в ходе него испарением гипотетической необходимостью.⁴¹

V

Отдавая должное оригинальности подобного толкования, с ним едва ли можно согласиться. Во-первых, византийские комментаторы исходят из неверного понимания гипотетической необходимости у Аристотеля. Если сам философ обозначает этим термином необходимость *условия*, «без которого» (ἀνευ οὗ) та или иная вещь не была бы возможна, то византийцы подразумевают под ней необходимость *следствия*, возникающего «благодаря» (διὰ) некоему заранее имеющемуся условию. Иначе говоря, необходимость, в силу которой у вещей есть материя, они принимают за необходимость, присущую самой материи.⁴² Поэтому вместо того, чтобы рассматривать сон

³⁹ Theod. Metoch. *In Parva Nat.* 16, 33-34:

⁴⁰ Theod. Metoch. *In Parva Nat.* 17, 9-15.

⁴¹ Scholarios. *In Somn.* 458, 18-21.

⁴² Последний вид необходимости в научной литературе принято называть «материальной». Подробнее о различии между материальной и гипотетической необ-

как условие жизни и существования животного, они выясняют, какие протекающие в теле животного физиологические процессы неизбежно влекут за собой наступление сна, ошибочно полагая, что тем самым устанавливают его материальную причину.

Во-вторых, византийские комментаторы понимают аристотелевскую материю исключительно как то, «из чего» возникает та или иная вещь, опираясь на знаменитое определение из II книги *Физики*:

«В одном значении причиной зовется то, из чего как из заранее существующего возникает нечто (ἐξ οὗ γίγνεται τι ἐνυπάρχοντος). Например, бронза – причина этой статуи, а серебро – этой чаши».⁴³

Однако выражение «возникать из чего-то» (ἐκ τίνος γίγνεσθαι), как сказано в другом месте *Физики*, применимо только к возникновению сущностей.⁴⁴ Сон же не является сущностью, но представляет собой свойство и состояние сущности, а значит у него не может быть материи в указанном смысле слова. Подобно теплоте и холоду, свету и темноте, красивому и безобразному, сон вместе с бодрствованием относится к противоположностям, а значит является одной из тех нематериальных форм, которые, по словам Аристотеля, «не возникают и не уничтожаются», но могут лишь появляться и исчезать у вещи в результате ее изменения.⁴⁵ Поэтому когда в VIII книге *Метафизики* Стагирит заявляет, что у сна, лунного затмения и тому подобных естественных явлений нет материи, поскольку они не являются сущностями, он имеет в виду исключительно материю возникновения, т.е. «то, из чего» возникает некая вещь. При этом философ не исключает, что указанные явления могут иметь материю в другом смысле – не как составляющий их материал, а как тот субстрат или подлежащее, в котором они появляются в результате происходящего с этим субстратом изменения. В указанном смысле материальной причиной лунного затмения будет сама Луна, поскольку именно она становится подлежащим данного состояния, когда лишается отраженного солнечного света из-за загораживающей Солнце земной тени.

«Нет материи у того, что хотя и существует от природы, но не является сущностью, разве что его подлежащим [sc. материей] будет сама сущность. Например,

ходимостью см.: Ebreu 2015, 61-78. Исходя из смысла гипотетической необходимости, сам сон следовало бы назвать «материей» живого существа.

⁴³ Arist. *Phys.* II 3, 194b 23-26.

⁴⁴ Arist. *Phys.* I 7, 190a 32-33

⁴⁵ Arist. *Met.* VIII 5, 1044b 21-29; ср. Code 2015, 15-16.

какова причина лунного затмения? Что есть его материя? Ее нет, но есть Луна, которая претерпевает затмение».⁴⁶

Точно так же и материей сна будет не вещество, из которого возникает это состояние, т.е. не тепло, и не испарение, как полагают византийские комментаторы и некоторые современные ученые, но телесное подлежащее, которым является либо само спящее животное, либо какая-то его часть. Аристотель вполне недвусмысленно заявляет об этом все в той же *Метафизике* VIII, когда, продолжая выяснять, что же является материей сна, пишет:

«В случае сна неясно, что является первым претерпевающим. Разве не животное? Да, но в отношении чего? Что претерпевает первым? Сердце или что-то еще. А под действием чего? И какое изменение испытывает эта часть, а не животное в целом? Можно ли сказать, что неподвижность? Да, но благодаря какому изменению того, что претерпевает первым?»⁴⁷

Отсюда видно, что материей сна Аристотель считает определенную часть тела, которая первой претерпевает физиологическое изменение, соответствующее сну. В трактате *О сне и бодрствовании* философ доказывает, что этой частью тела является сердце, поскольку именно в нем расположено начало ощущения, значит оно и есть тот первый и главный орган чувств, который, сам перестав ощущать, приводит в бездействие и все остальные ощущения. Что же касается византийских комментаторов, то они считают сердце действующей, а не материальной причиной сна. Михаил Эфесский, Софоний и Феодор Метохит указывают на то, что в *О сне и бодрствовании* сердце вместе с заполняющей его горячей пневмой названо началом ощущения и всякого изменения, происходящего в живом существе (ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως καὶ τῆς αἰσθήσεως - *Somn.* 2, 456a 5-6). Но то, «откуда берет начало изменение» (ὅθεν ἡ ἀρχὴ τῆς κινήσεως), есть не что иное как определение действующей причины, которое Аристотель приводит в этом же трактате несколькими строчками выше.⁴⁸ Следовательно, делают вывод комментаторы, сердце и есть действующая причина сна.⁴⁹

Причину этой неверной интерпретации следует, как мне кажется, искать в особенностях византийской экзегезы. Византийские комментаторы понимают слова Аристотеля слишком «буквально», зачастую не вдумываясь в сложное содержание стоящих за ними учений. Так, если во II книге *Физики* Ари-

⁴⁶ Arist. *Met.* VIII 4, 1044b 8-10.

⁴⁷ Arist. *Met.* VIII 4, 1044b 15-19.

⁴⁸ Arist. *Somn.* 2, 455b 15.

⁴⁹ Theod. Metoch. *In Parva Nat.* 17, 26.

стотель говорит, что «необходимость заключена в материи»,⁵⁰ то для Михаила Эфесского и последующих комментаторов этого оказывается достаточно, чтобы связать упоминание о гипотетической необходимости в *Somn.* 2, 455b 25-28 с материальной причиной сна. Точно так же, встречая выражение «возникать из чего-то» (ἐκ τίνος γίνεσθαι), они сразу видят в нем указание на материю, поскольку в той же *Физике* Аристотель определяет материальную причину как то, «из чего нечто возникает» (ἐξ οὗ γίνεταί τι). Что же касается всякого рода тонкостей вроде разницы между необходимостью в смысле условия и необходимостью в смысле следствия, или между материей сущности и материей состояний и свойств, то византийские комментаторы их словно бы не замечают. Придерживаясь старого экзегетического принципа «толковать Аристотеля через самого Аристотеля», они заботятся не столько о том, чтоб систематически продумать учение Стагирита, как это делали их античные предшественники, сколько о том, чтобы прояснить тексты философа его же собственными словами. Это не означает, конечно, что для понимания мысли Аристотеля византийским комментаторам недостает самостоятельности или философской глубины. По верному замечанию Эдмунда Фрайда,⁵¹ они просто ставят перед собой другие задачи – в отличие от нас, желающих разобраться в содержании аристотелевской философии, они хотят как можно бережнее сохранить аристотелевское наследие и, не отступая от буквы текста, по возможности сделать его ясным и легко читаемым.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абдулаев, Е. (2013) «Прискиан Лидийский и его «Разрешение апорий Хосрова, царя персов», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 7.1, 237-269.
- Фрейбергер, Л.А., Попова, Т.В. (1978) *Византийская литература эпохи расцвета XI – XV вв.* Москва: Наука.
- Bolton, R. (1997) «The Material Cause: Matter and Explanation in Aristotle's Natural Science», in *Aristotelische Biologie*, Stuttgart: Steiner, 97–126.
- Busse, A., ed. (1895) *Ammonius in Aristotelis categorias commentaries*, Commentaria in Aristotelem Graeca 4.4. Berlin: Reimer.
- Browning, R. (1962) «An unpublished funeral oration on Anna Komnena», in *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, New Series, №8 (188), 1-12.
- Bydén, B., Radovic, F., eds. (2018) *The Parva naturalia in Greek, Arabic and Latin Aristotelianism Supplementing the Science of the Soul*. Springer International Publishing.

⁵⁰ Aristot. *Phys.* II 9, 200a 13

⁵¹ Fryde 2000, 197

- Code, A. (2015) "The Matter of Sleep" in D. Ebrey (ed.), *Theory and Practice in Aristotle's Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 11-46.
- Demetracopoulos, J.A. (2018) "George Scholarios' Abridgment of the "Parva naturalia": Its Place in His Oeuvre and in the History of Byzantine Aristotelianism," in B. Bydén, F. Radovic (eds.) *The Parva naturalia in Greek, Arabic and Latin Aristotelianism Supplementing the Science of the Soul*. Springer International Publishing, 233-316.
- Drossaart Lulofs, H.J. (1943) *Aristotelis De Somno et Vigilia liber adiectis veteribus translationibus et Theodori Metochitae Commentario*. Utrecht: Templum Salomonis.
- Drossaart Lulofs, H.J. (ed.) (1947) "Aristotelis De insomniis et De divinatione per somnum," in *Philosophia Antiqua II*. Leiden: Brill.
- Ebrey, D. (2015) "Blood, Matter and Necessity," in D. Ebrey (ed.), *Theory and Practice in Aristotle's Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Everson, S. (2007) "The *De Somno* and Aristotle's explanation of sleep," *Classical Quarterly* 57,2, 502-520.
- Fryde, E. (2000) *The Early Palaeologan Renaissance (1261 – 1360)*. Leiden: Brill.
- Gallop, D. (1996) *Aristotle on Sleep and Dreams. A text and translation with introduction, notes and glossary*. Warminster, Aris and Phillips LTD.
- Ierodiakonou, K. and Bydén B. (2018) "Byzantine Philosophy," in E.N. Zalta (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*.
- Kazdan, A.P. (1991) *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford: Oxford University Press.
- Low, M. (1978) "Aristotle's *De Somno* and his Theory of Causes," *Phronesis* 23, 279-291.
- Nuyens, F. (1948) *L'évolution de la Psychologie D'Aristote.*, Louvain: Éditions de l'Institut Supérieure de Philosophie.
- Petit, L., Sideridès, X. A., and Jugie, M., eds. (1928–1936) *Œuvres complètes de Gennade Scholarios*, vols. I–VIII. Paris: Maison de la Bonne Press.
- Praechter, K. (1927) "Sophonias," in *Paulys-Wissowa Realencyclopädie der Altertumswissenschaft*, 1099.
- Ross, W. D., ed. (1955) *Aristotle. Parva Naturalia. A revised text with introduction and commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- Saffrey, H.D. et Segonds, A.-Ph., ed. et trad. (2002) *Marinus. Proclus ou sur le Bonheur*. Paris.
- Siwek, P. (1963) *Aristotle. Parva naturalia*. Collectio philosophica Lateranensis, 5. Rome: Desclée & C.
- Trizio, M. (2018) "The Byzantine Reception of Aristotle's *Parva naturalia* (and the Zoological Works) in Eleventh- and Twelfth-Century Byzantium: An Overview," in B. Bydén, F. Radovic (eds.) *The Parva naturalia in Greek, Arabic and Latin Aristotelianism Supplementing the Science of the Soul*. Springer International Publishing, 155-168.
- Van der Eijk, Ph. J. (2010) "Stages in the reception of Aristotle's works on sleep and dreams in Hellenistic and Imperial philosophical and medical thought," in P.-M. Morel et Ch. Grellard (eds.) *Les Parva Naturalia d'Aristote. Fortune antique et médiévale*. Paris: Éditions de la Sorbonne.

- Wellmann, M. (1901) *Fragmentsammlung der Griechischen Ärzte I: Die Fragmente der Sikelischen Ärzte Akron, Philistion und des Diokles von Karystos*. Berlin.
- Wendland, P., ed. (1903) *Michaelis Ephesii in Parva naturalia Commentaria*, Commentaria in Aristotelem Graeca, vol. 22.1. Berlin: Reimer.
- Wendland, P., ed. (1903) *Themistii (Sophoniae) in Parva Naturalia Commentarium*, Commentaria in Aristotelem Graeca, vol. 5.6. Berlin: Reimer.
- Wiesner, J. (1978) "The unity of the treatise *De Somno* and the physiological explanation of sleep in Aristotle," in G.E.R. Lloyd and G.E.L. Owen (eds.) *Aristotle on Mind and the Senses*, London: Cambridge University Press, 241-280.

References in Russian:

- Abdulaev, E. (2013) "Priskian Lidijskij i ego «Razreshenie aporij Hosrova, tsarja persov»", *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 7.1, 237-269.
- Frejberg, L.A., Popova, T.V. (1978) *Vizantijskaja literatura epokhi rastsveta XI – XV vv.* Moskva: Nauka.